

Нуштаев Андрей

Хроника пепла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нуштаев Андрей

Хроника пепла

«Автор»

2026

Андрей Н.

Хроника пепла / Н. Андрей — «Автор», 2026

Нохбстон — город, который доживает свой век, как старая собака у порога. Здесь воздух пропитан солью, дешевым элем и безнадеей, а жизни простых людей стоят меньше, чем медяк в кармане ростовщика. Но всё меняется, когда в туманном порту появляется Амбер — человек с глазами цвета холодного мёда и прошлым, которое лучше не ворошить. У него есть история о затонувшей имперской барже, полной золота, и план, как до него добраться. Трое хозяев города, ослепленные жадностью, заглатывают наживку, не подозревая, что их ведут не к сокровищам, а на бойню. Однако за обычным авантюрным ограблением скрывается нечто гораздо более темное. Древние артефакты, тени Бездны и секреты, способные перевернуть само представление о мире, или о мирах. Когда за спиной захлопывается ловушка, а туман над Чёрными скалами начинает обретать плоть, главным вопросом становится не «кто заберет золото?», а «кто сможет остаться человеком там, где даже небеса жаждут твоей гибели?

© Андрей Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лёгкие деньги в портовом городке.	5
Глава 2. Ошибка, стоящая жизни.	17
Глава 3. Ангельская искра.	22
Глава 4. Святой город.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Нуштаев Андрей

Хроника пепла

Глава 1. Лёгкие деньги в портовом городке.

Нохбстон — небольшой промысловый городишко на южном краю Нижних земель. Когда-то здесь кипела жизнь, а теперь он просто доживал свой век, как старая собака у порога. Солёный ветер, въевшийся запах рыбы, смолы, мокрых канатов и самого дешёвого пойла. Доки, где сутками баржи скрипели и принимали/отдавали груз. Узкие улочки, заваленные ящиками, рваными сетями и мусором; на каждой, конечно же, таверна с мутными окнами и полом, липким от пролитого эля.

В одной из таких таверн уже неделю сидел парень лет двадцати пяти по имени Амбер.

Он привлёк внимание трёх самых состоятельных местных — тех, у кого водились настоящие деньги и настоящая власть над чужими жизнями.

Одет в выдававший виды кожаный плащ, под которым простая выцветшая рубашка. Волосы цвета застывшего янтаря, коротко стриженные. Глаза — холодный мёд, взгляд человека, который слишком часто видел смерть и давно перестал её удивляться. А ещё — который слишком часто видел, как одни и те же люди заставляют других умирать медленно.

Сегодня он снова сидел на том же потёртом стуле — дерево отполировано сотнями задниц — и говорил, будто сам с собой, но достаточно громко, чтобы слышали соседи по залу.

— Да я вам говорю, там они... своими глазами видел.

Он сделал паузу, лениво крутанул в пальцах кружку.

— За чёрными скалами всё ещё лежит та ржавая баржа. Трюм полный. Старые имперские слитки, пара ящиков хрустала небесной чистоты и здоровенный сундук, который ещё никто не вскрывал. Нужно всего пара-тройка крепких рук. И хорошая посуда, понятное дело. А после — тихо сбыть, без лишних глаз.

Люди слушали. В глазах — плохо скрываемая алчность, смешанная со страхом. Жажда наживы вспыхивала и тут же гасла под весом реальности: нужны были деньги, инструменты, лодка хотя бы на две мачты, чтобы всё это добро вывезти. А потом — не лишиться глотки при попытке продать.

Двое широкоплечих мужчин, что всё время внимательно вслушивались, допили, молча расплатились с хозяином и вышли. Их послали люди Торна — того самого, что платит докерам медяками, а сам ходит в шелках, которые здесь никто не носит без крови на совести.

Амбер удовлетворённо выдохнул в кружку.

Клюнули.

Он знал, что следующим шагом будет не сам Торн.

Сначала Мел — ростовщик, чьи должники либо платили конские проценты, либо вешались на ближайшем пирсе, либо исчезали в каналах за городом.

Потом Сандер — купец, что скупал краденое у окрестных банд и перепродавал бывшим владельцам втридорога, с улыбкой и рукопожатием.

Трое.

Трое, кто годами держал Нохбстон за горло.

Трое, кто считал, что их никто никогда не тронет.

Амбер допил эль, поставил кружку на стол тихо, почти ласково.

Ещё неделя, может, десять дней.

Пусть поговорят между собой.

Пусть начнут считать чужие слитки в голове.

Пусть сами принесут ему лодку, людей и инструменты.

А потом он просто исчезнет.

Как исчезали многие до него.

Только на этот раз — с их деньгами.

На следующий вечер в таверне было тише обычного.

Дождь барабанил по крыше, как будто кто-то сверху методично вытряхивал из мешка гвозди. В зале остались только те, кому некуда было идти, да те, кому нужно было куда-то прийти.

Амбер сидел на своём месте, но уже не рассказывал.

Он просто смотрел в кружку, будто там был ответ на вопрос, который он давно перестал задавать.

Дверь скрипнула.

Вошли двое.

Первый — высокий, с лицом, будто вырезанным из сырого дерева топором. На шее висела цепь с медальоном в виде якоря — знак людей Торна. Второй — ниже, но шире в плечах, с пальцами, украшенными слишком многими перстнями для человека, который когда-либо поднимал что-то тяжелее кошелька. От него пахло дорогим табаком и чужим потом. Сандер всегда посылал таких — тех, кто выглядит как наёмник, но разговаривает как приказчик.

Они не стали садиться.

Просто встали у стола, загородив свет от единственной нормальной лампы.

— Ты тот, кто болтает про ржавую баржу? — начал высокий, не тратя время на приветствия.

Амбер медленно поднял глаза. Холодный лёд встретил холодный мёд. Только у одного из них этот мёд давно превратился в патоку угроз.

— Я тот, кто её видел, — ответил он спокойно. — А ты, похоже, тот, кто пришёл узнать подробности.

Широкий хмыкнул. Перстни блеснули, когда он положил на стол маленький, но увесистый кошель. Монеты внутри глухо звякнули.

— Хозяин хочет знать: сколько именно слитков. Сколько ящиков. И где точно эта баржа лежит. Без воды. Без бак про «небесную чистоту». Цифры и координаты.

Амбер посмотрел на кошель, потом на них обоих. Уголок губ чуть дрогнул — кривая тень улыбки.

— А если я скажу, что цифры большие, а координаты точные... что тогда?

Высокий наклонился ближе. От него пахло мокрой шерстью и железом.

— Тогда мы обсудим, сколько тебе нужно людей. И сколько тебе заплатят, чтобы ты забыл своё имя на время путешествия, и тем более память отшибло после.

Амбер откинулся на спинку стула. Дерево жалобно скрипнуло.

— Мне не нужны деньги заранее, — сказал он тихо. — Мне нужна лодка. Команда. Инструменты. И гарантия, что после дела меня не найдут на дне с перерезанным горлом.

Широкий рассмеялся коротко, без веселья.

— Слово даёт только Торн. А он ими не разбрасывается.

— Тогда пусть Торн придёт сам, — Амбер впервые посмотрел прямо в глаза высокому. — Или Мел. Или Сандер. Мне всё равно кто. Но пусть придёт тот, кто решает. Потому что я не собираюсь работать на посыльных.

Повисла тишина. Только дождь всё стучал и стучал.

Широкий медленно забрал кошель обратно.

— Ты смелый, — сказал он почти с уважением. — Или полный идиот. Посмотрим.

Они развернулись и вышли. Дверь хлопнула. Ветер донёс запах соли и гниющих водорослей.

Амбер остался сидеть.

Допил эль одним глотком.

И впервые за неделю позволил себе едва заметную, холодную улыбку.

Они уже не просто клюнули.

Они уже плывут к крючку.

Амбер вышел из таверны, натянув пониже капюшон выцветшего плаща. Нохбстон не прощался с ним — он вцепился в него запахом гниющих водорослей и липкой сыростью, которая, казалось, проникала даже под кожу.

Он свернул к южным пирсам. Там, под тусклыми магическими фонарями, которые едва пробивали туман, заканчивали разгрузку баржи. Группа грузчиков стояла у конторки, над которой возвышался приказчик Торна в непромокаемом плаще.

— Это всё? — голос одного из рабочих, хриплый от простуды и крика, сорвался на кашель. — Всё, — отрезал приказчик, не глядя на него. — Скажи спасибо, что вообще заплатили. Торн сегодня не в духе, на складе №4 крысы пожрали мешковину. Вычитаем из общей доли.

Амбер увидел, как в мозолистую, чёрную от дегтя ладонь упало несколько тусклых медяков. Совсем немного — на такую горсть можно купить разве что мешок гнилой репы да буханку хлеба, замешанную на опилках. На месяц жизни для семьи из трёх человек? Смешно.

— Он в шелках ходит, — пробормотал рабочий, сжимая кулаки. — Каждый его рукав стоит больше, чем наши жизни за год. — А ты пойди и скажи ему это, — ухмыльнулся приказчик, похлопывая по рукояти дубинки. — Он как раз на верхнем ярусе, в тепле.

Грузчики промолчали. Тишина была тяжёлой, как утопленник всплывший по утру. Амбер прошёл мимо, чувствуя, как внутри закипает гнев.

На перекрёстке у Кривого переулка дорогу ему преградила телега. Лошадь, такая же костлявая и усталая, как всё в этом городе, тяжело переступала копытами по грязи. Двое стражников из городской управы лениво закидывали в телегу что-то, завернутое в старую рогожу.

Из рогожи высунулась рука — синюшная, с глубокой бороздой от верёвки на запястье.

— Очередной, — сплюнул один из стражников, вытирая руки о штаны. — С корчмаря Мела глаз не спускал, всё клялся, что отдаст. А проценты-то растут быстрее, чем грибы в подвале. Вот и не выдержал бедняга, примерил пеньковый галстук.

— Мел своё всегда забирает, — отозвался второй. — Не золотом, так душой. Грузи давай, до рассвета ещё троих таких из каналов вылавливать. А верёвку, заberi! Добротная, пригодится.

Телега скрипнула и покатилась дальше, оставляя в грязи свежий след.

Амбер остановился и посмотрел ей вслед. В его голове уже не было простого плана «украсть и убежать». Каждая монета, которую он вытянет из Торна, Мела и Сандера, будет иметь вкус этих слёз и этой верёвки.

«Глубокие мысли, для глубоких душ», — прошептал он сам себе фразу, которую когда-то слышал от бродячего философа.

В его случае слова были ложью, но души, к которым он обращался, были настолько глубокими колодцами жадности, что он собирался их осушить до самого дна.

В то же самое время в просторном кабинете Торна, чьи окна нависали над грязными портовыми улочками, словно глаза хищной птицы, собралось трио хозяев Нохбстона. Тяжёлый запах дорогого табака и старого вина здесь безуспешно пытался перебить вонь гниющей рыбы, поднимавшуюся снизу.

— И ты всерьёз веришь в эти рассказы? — Мел, худощавый ростовщик с вечно бегущим, нервным взглядом, барабанил пальцами по подлокотнику. Каждое движение его рук напоминало дёрганье лапок паука.

— Если хотя бы половина из того, что болтает этот парень, не брехня... — Торн, тучный, затянутый в пурпурный шёлковый камзол, который едва сходил на животе, подошёл к окну и сплюнул вниз, на крыши лачуг. — То можно будет паковать сумки и навсегда покинуть эту рыболовную помойку. Я не собираюсь подыхать здесь, считая вонючие медяки.

Из тёмного угла, отрываясь от бокала с густым красным вином, подал голос Сандер. Владелец лавок и скупщик краденого выглядел спокойнее остальных, но в его прищуре светился холодный расчёт.

— Слышал я одну историю, знаете ли... — протянул он. — Люди любят сплетни. Говорят, когда Империя рушилась, один из караванов беженцев пытался вывезти казну через Нижние земли. «Прогневали небеса», как говорят дураки. Землетрясение подняло Чёрные скалы прямо из воды, баржа встала на рифы, а все, кто был на борту, превратились в корм для крабов. Груз, если верить байкам, так и лежит там. Только вот те, кто пытался его искать, назад обычно не возвращались.

— Брехня! — в один голос отрезали Мел и Торн. Суеверия их не пугали, их пугала только возможность упустить прибыль.

— Согласен, — хмыкнул Сандер, пригубив вино. — Пока этот бродяга не покажет хотя бы одну монету, говорить с ним не о чем. Это может быть просто способ выманить нас из города и перерезать глотки.

— Кстати, об этом... — Мел медленно потянулся к кожаному кисету на поясе. Его лицо исказилось в подобии торжествующей ухмылки. — Гляньте-ка.

Он разжал ладонь. На побледневшей коже тускло блеснула тяжелая, квадратная монета из чистого золота.

— Мой человек притащил, — прошептал ростовщик. — Когда этот «рассказчик» выходил из «Ржавой селёдки», он якобы случайно обронил её в грязь. Пьян был или просто неосторожен...

Торн едва не опрокинул кресло, бросаясь к столу. Он выхватил монету, пробуя её на зуб.

— Да чтоб тебя черти задрали, Мел! И когда ты собирался рассказать?! — взревел он, его глаза алчно расширились. — Чеканная тетрадрахма. Имперская. Настоящая! Вы, как хотите, а я завтра же снимаю лучшую лодку с рейса и собираю ребят.

— Эй! — обиженно воскликнул Мел, забирая монету обратно. — Монета моя — это раз. А во-вторых, я закупаю снасти, инструменты и снедь. Я в деле!

Он нервно перебирал пальцами. Мел понимал: если Торн доберется до золота первым, то на следующий день он просто купит весь город вместе с долговыми расписками самого Мела.

Сандер поднялся, поправляя перстни на руках. Его смех был коротким и сухим, как треск ломающихся костей.

— Лавка Сандера к вашим услугам, господа. Другьям — скидки. Раз уж мы все решили рискнуть шкурой, я возьму на себя оценку и сбыт. Мы ведь не хотим, чтобы об этом золоте узнал кто-то ещё?

Трое мужчин переглянулись. В этой комнате не было дружбы — только общая жажда наживы, которая сковала их крепче любых цепей.

Спустя пару дней Амбера окликнули на улице.

— Эй, «сказочник»... — высокий приказчик Торна ухмыльнулся, показывая щербатый зуб. — Хозяин просит зайти. Покажешь свои монеты лично.

Амбер нахмурился, в голосе сквозило раздражение:

— Мы договаривались через три дня утром, на пристани.

— Хозяину плевать, — хохотнул тот, отводя полу пальто и демонстративно положив ладонь на дубинку, обитую стальными кольцами. — Или идёшь сам, или я приволоку тебя в мешке.

Амбер сплюнул в грязь.
— Веди.

Торн сидел в огромном кресле, развалившись так, что пурпурный шёлк на животе натянулся до блеска. Он разглядывал Амбера, как редкое насекомое, принёсшее весть о золоте богов.

— Значит, завтра на рассвете, — пробасил он. — Мой лучший люггер, «Морская дева», будет ждать у третьего пирса. Попробуешь обмануть — и «дева» станет твоим последним пристанищем. Понял?

Амбер медленно поднялся. Лицо — непроницаемое, как застывшая смола.

— У меня нет причин лгать человеку, который даёт мне шанс убраться отсюда, — тихо ответил он.

Он протянул руку. Торн, помедлив, выставил свою — тяжёлую, мясистую, с массивным золотым перстнем на указательном пальце. Оскаленная акулья голова — символ абсолютной власти над портом.

Амбер сжал чуть сильнее и чуть дольше, чем полагалось.

— Эй, полегче, парень! — Торн поморщился, вырывая ладонь. — Хватка как у краба. Не забывайся.

— Простите, — Амбер слегка поклонился. — Просто... волнение. Не каждый день жму руку королю Нохбстона.

Торн самодовольно хмыкнул, потирая палец и поправляя кольцо — ничего не заподозрил.

Как только Амбер вышел и нырнул в тень коридора, он разжал левую ладонь. К большому пальцу была плотно примотана тонкая полоска кожи, вымоченной в специальном составе. На ней отпечатались каждая чешуйка, каждый зуб акулей морды.

Теперь у него была не просто печать. У него была подпись Торна — ключ ко всем дверям складов, пока «король» будет гоняться за призрачным золотом за чёрными скалами.

Вечером того же дня.

В тускло освещённом переулке, где пахло мокрым камнем и дешёвыми духами, встретились двое. Амбер стоял, прислонившись к склизкой стене, его фигура в потёртом плаще почти сливалась с тенями. Из тумана вышла эффектная, но вульгарно накрашенная девица. Высокие каблуки цокали по булыжникам, как метроном, отсчитывающий время до катастрофы.

— Принесла? — коротко бросил Амбер, не меняя позы.

— Вот твой оттиск. — Девушка кокетливо сложила губки и протянула ему небольшой сверток, обернутый в шелковый платок. — Старик Сандер так увлёкся моей новой девочкой, что не заметил, как она стащила ключ из его жилетки на пять минут.

Амбер развернул ткань. Внутри, в податливом воске, четко запечатлелись зубцы ключа от личного сейфа Сандера — того самого, где купец хранил реестр «двойной бухгалтерии» и залоговые документы на украденное.

— Полгода я подкладывала под него лучших своих девчонок, самых тихих... — она поправила вырез платья и посмотрела на парня с любопытством.

— Скажи честно, Кэйтилин... Зачем тебе всё это? Рисковать головой ради пары золотых монет.

А я-то думала, ты умный парень...

Амбер убрал слепок во внутренний карман. Взгляд его «холодного мёда» стал еще более отстранённым.

— Зачем? — повторила она. — Ты думаешь, мне нужны денежки? Сделать своим должником «короля трущоб» ... каждый в Нохбстоне отдал бы за это жизнь. А тут такой шанс.

Девушка усмехнулась, опершись рукой о бедро.

— Королём трущоб был мой отец, — Амбер наконец посмотрел ей прямо в глаза, и на мгновение за маской бродяги промелькнуло величие человека, привыкшего отдавать приказы. — Я — скорее низложенный принц, который вернулся спросить за отобранные игрушки.

Он развернулся и пошёл прочь, растворяясь в тумане. — И помни, — донёсся его голос из темноты, — корона в этом городе всегда была из ржавого железа. Я лишь хочу убедиться, что она им не по размеру.

На борту «Морской девы», когда берег Нохбстона уже скрылся в серой дымке.

Мел вцепился в леера так, что костяшки побелели. Ветер трепал его дорогой, но уже просоленный плащ. Он выглядел как бледная поганка среди дубовых досок.

Амбер подошёл бесшумно.

— Тяжёлое море, господин Мел?

— Море всегда тяжёлое для тех, кто привык к твёрдой почве, — огрызнулся ростовщик, оглядываясь на хохочущих у грот-мачты матросов Торна. — О чём они ржут?

— О будущем, — Амбер едва заметно улыбнулся. — Говорят, после этого похода в Нохбстоне многое изменится. Торн уже раздаёт обещания своим людям. А Сандер... он уже посмотрел себе новый особняк. Кажется, ваш. Сказал, что за долги по аренде склада вы скоро уступите. За бесценок.

Мел дёрнулся, как от пощёчины. В глазах вспыхнул знакомый крысиный страх.

— Он так сказал? Этот жирный боров так сказал?!

— Может, я ослышался, — Амбер пожал плечами и начал отходить. — В шуме волн легко ошибиться. Но на вашем месте я бы не спал без ножа под подушкой. Здесь слишком много желающих увидеть вашу подпись... посмертно.

Он растворился среди спин моряков. К тому времени подкупленный юнга уже подложил нужный лист в кипу бумаг.

Час спустя Мел, измученный качкой и рвотой, ввалился в капитанскую каюту. Торн как раз откусывал огромный кусок оленьего филе.

— Ты! — прохрипел Мел, тыча крючковатым пальцем.

Торн неспешно прожевал, вытер пальцы о салфетку и махнул рукой — садись.

— Чего пришёл, кровопийца?

— Покажи бумаги... — Мел оглянулся, ища чужие уши. — С делёжкой сокровищ!

Торн усмехнулся, отхлебнул вина, протянул верхний лист. Мел выхватил его и пробежал глазами:

40% — Торговый дом Сандера

40% — портовое содружество Торна

20% — список таможенных крыс

Мела в списке не было. Совсем.

— Почему меня нет в плане?! — прошипел он, бледнея.

Торн выхватил бумагу обратно, пробежал глазами.

— Хм... Должно быть, черновик. Сандер составлял под мою диктовку, пока спорили о доле. Не кипятись. Поделим поровну, как договаривались.

— Черновик?.. — Мел хотел взорваться, но желудок снова подскочил. Он вылетел на корму, согнувшись пополам.

Спустя час, лёжа в койке и слушая смех матросов из соседней каюты:

— Слыхал, долговязый к хозяину вломился, ещё и деньги требовал!

— Хозяин теперь пристрелить его хочет.

— Туда и дорога, чёртов старьёвщик... Скинем за борт, скажем — укачало до смерти.

Смех прокатился волной.

Туман над Чёрными скалами был таким густым, что его можно было резать ножом. Ржавая баржа, намертво зажатая между гранитными клыками, напоминала скелет кита, выброшенного на смерть. Торн, Мел и Сандер, толкаясь локтями и матерясь, первыми спрыгнули в трюм — туда, где, по словам Амбера, ждал «заветный сундук».

Амбер остался на палубе. Выждал, пока их ругань, лязг лома и жадное дыхание не заполнили всё пространство.

— Прощайте, господа, — прошептал он, доставая из-за пазухи маленькую костяную сферу. Артефакт, который он хранил годами, словно яд в кольце. — Глубокие мысли... для глубоких душ.

Он сжал её в кулаке. Воздух задрожал низким, почти неслышным гулом. Из щелей ржавчины полезла чёрная, маслянистая дымка — густая, как смола. Она вытягивалась в формы: длинные суставчатые лапы, пасти, усеянные иглами, десятки глаз, загорающихся фосфорным холодом. Не живые твари, но в этом тумане и ужасе — самые настоящие демоны Бездны.

Амбер выхватил нож и одним движением полоснул себя по бедру — глубоко, до жгучей боли. Кровь хлынула на штанину, тёмная и горячая. Достаточно, чтобы поверить.

С палубы «Морской девы» матросы замерли, глядя на баржу. Из трюма донеслись вопли — нечеловеческие, полные ужаса и боли.

Амбер выскочил из тумана, хромая, бледный, с расширенными глазами. Рухнул в шлюпку почти без сил.

— ОТХОДИ! ОТЧАЛИВАЙ, К ЧЁРТУ! — заорал он, вцепившись в борт окровавленными пальцами. — Они мертвы! Их разорвали в клочья! Проклятая имперская ловушка!

— А хозяин Торн?! — боцман схватился за рукоять сабли, но голос дрогнул.

— Нет больше твоего хозяина! — Амбер указал на свою ногу, с которой капала кровь. — Торн пытался их задержать... кричал, чтобы мы уходили! Гребите, если не хотите, чтобы эти твари перелезли сюда!

Матросы не стали спорить. Самый древний страх — страх перед неизвестным — оказался сильнее жадности и верности. Весла врезались в воду. Люггер развернулся и рванул прочь, в спасительную серую пелену.

Сквозь гул волн ещё доносились крики Мела и Сандера — отчаянные, надрывные. Но для команды это уже были вопли мёртвых.

Амбер сидел на дне шлюпки, прижимая ладонь к ране. Когда баржа окончательно растворилась в тумане, он позволил себе медленно выдохнуть. Сфера в кармане остыла. Иллюзия рассеется через час — ровно столько, сколько нужно, чтобы «Морская дева» ушла за горизонт. Троица останется на ржавом острове — живые, невредимые, но без лодки, без связи, без надежды. Прилив сделает остальное.

А в это время в Нохбстоне Кэйтилин уже шагала по мраморному полу банка Мела. В руках — «предсмертное» распоряжение, скреплённое его личной печатью и подписью, которую никто не посмеет оспорить. За её спиной тихо закрывалась дверь — дверь в новую эпоху, где корона из ржавого железа наконец-то найдёт себе достойную голову.

Или, может, просто упадёт в канал и утонет навсегда.

В кабинете Торна царила непривычная тишина. Огромное кресло пустовало, и в лунном свете, льющемся сквозь панорамные окна, оно казалось надгробием.

Кэйтилин стояла у стола, перебирая тяжёлые золотые монеты. Теперь на ней было платье из плотного тёмного шёлка, а вульгарный макияж сменился маской холодной торжественности.

— Мы сделали это, Амбер, — произнесла она, не оборачиваясь, когда он вошёл. — Документы Мела признаны законными. Склады Торна переходят под мой надзор. Сандер... его больше нет. Город у наших ног.

Амбер молча подошёл к вскрытому сейфу. Достал небольшой кожаный мешок и высыпал туда личные вещи Торна: пару редких артефактов и тяжёлый кошель с императорскими знаками.

— Дели со мной, — Кэйтилин наконец повернулась. В её глазах горел огонь опаснее любого пожара. — Твой ум и мои связи. Мы вычистим эту помойку и построим нечто великое. Ты будешь королём не только по праву рождения, но и по праву силы.

— Мне не нужна эта корона, Кэйтилин, — Амбер затянул тесёмки. — Я пришёл забрать своё и уйти. Ржавчина этого города въедается в кости. Если хочешь править здесь — прави. Но без меня.

Её лицо исказилось. Триумф сменился обидой, а та — ледяной яростью загнанного зверя. Она поняла превратно: если не с ней — значит, против неё. Свидетель, знающий слишком много.

— Значит, уходишь? — она шагнула ближе, рука скользнула к волосам, нащупывая длинную костяную заколку. — Оставляешь меня одну разгрести это дерьмо? Ты ведь понимаешь, что я не могу позволить тебе просто выйти за эту дверь?

Она рванулась вперёд — быстрая, смертоносная, как гадюка. Отрава на острие блеснула в лунном свете.

Амбер не дрогнул. Короткий шаг навстречу, перехват запястья, и вторая рука — почти нежно — легла ей на горло. Пальцы не сжимались, но Кэйтилин замерла, словно наткнулась на невидимую стену. Дыхание застряло — не от удушья, а от холода, который шёл от него волнами.

— Твои дочери всё ещё в рабстве, Кэйтилин, — прошептал он прямо в ухо. — За внешним кольцом, под ареной. Ты ведь помнишь это место?

Заколка выпала из ослабевших пальцев и звякнула о ковёр.

— Ты сначала продавала себя, потом девчонок с улиц... Всё ради них, — голос Амбера оставался ровным, безжалостным. — Каждое утро их выставляют напоказ будущим покупателям. И теперь только от тебя зависит: отпустят их завтра на волю... или скормят львам в яме для забавы толпы.

— Что... что ты несёшь? — её голос надломился в хрип.

— Не позволяй жажде власти и длинному языку подставить семью под удар, — он медленно убрал руку. — Правь городом. Корми грузчиков. Но забудь моё имя.

— Что мне мешает убить тебя прямо сейчас? — прошептала она, глаза наполнились слезами ярости и отчаяния.

— Ничего, — Амбер посмотрел ей прямо в лицо. Взгляд холодного мёда был безупречно убедителен. — Нанеси удар. И узнаешь, как быстро моя весточка доберётся до клеток.

Он развернулся, подхватил мешок и пошёл к выходу, не оглядываясь.

Амбер лгал — так же искусно, как на барже. Девчонки уже были в безопасности: в старом доме на окраине, под присмотром верных людей, которые ждали рассвета, чтобы усадить их в дилижанс и увезти подальше от этого проклятого места.

Но Кэйтилин этого не знала.

За его спиной тихо зашуршал шёлк — она опустилась на колени. Тяжёлое, прерывистое дыхание заполнило кабинет. Она дрожала, понимая, что едва не накинута удавку сама себе на шею. И собрав волю в кулак, прикусив губы до струйки солёной крови, женщина встала на ноги, горько усмехнувшись — переиграл...

Амбер вышел в ночной Нохбстон. Ветер по-прежнему пах гнилой рыбой и солью, но теперь этот запах был запахом свободы.

Он сделал то, что должен был.

Впереди была только дорога. И тишина.

Амбер прислонился спиной к влажной стене полуразрушенного дома.

Доски скрипели под ним, как старые кости. Когда-то здесь пахло хлебом, который пекла Милва, и машинным маслом, которым отец смачивал точильный камень. Теперь пахло только плесенью, солью с каналов и чем-то металлическим — может, его собственной кровью, что всё ещё сочилась из старой раны на бедре.

Он опустился на корточки. Пальцы сами потянулись под рубашку. Медальон был тёплым. Слишком тёплым для простого куска стекла и металла.

Амбер вытащил его на свет луны, что пробивалась сквозь щели в крыше.

Глаз внутри смотрел на него. Живой. Влажный. Зрачок сузился, словно от боли или стыда. Ресницы — настоящие, тонкие, человеческие — дрогнули и попытались опуститься. Но не смогли. Стекло не позволяло.

— Помнишь ту ночь, Руби? — голос Амбера был тихим, почти ласковым. — Ты ведь смотрел. Смотрел, как её уведут. Как она не сопротивляется, потому что уже не может. Как руки в белых перчатках сжимают её локти. Как она оборачивается в последний раз... и не видит тебя. Потому что ты прятался.

Глаз моргнул. Один раз. Медленно. Словно кивнул.

Амбер поднёс медальон ближе к своему лицу. Так близко, что его дыхание запотело стекло.

Внутри янтарно-опалового зрачка начали проступать образы — рваные, как старая кинолента, пропущенная через огонь.

Руби, ещё молодой, с двумя глазами и дрожащими руками.

Милва, бледная, с синяками на запястьях, но с прямой спиной.

Рыцари в белом, с золотыми эмблемами Святой Селестины.

Церковный двор, запах ладана и чего-то приторно-сладкого — того самого, что потом будут капать ей в вино каждое утро.

Руби передаёт её. Не грубо. Почти бережно. Как передают хрупкую вазу, которую жалко разбить, но всё равно не хочется держать.

— Жаль... — прошептал Амбер, и его губы почти коснулись стекла. — Я не отобрал твой второй глаз.

Глаз внутри медальона расширился. Зрачок метнулся в сторону, словно пытаясь убежать. Но бежать было некуда.

Амбер закрыл пальцами медальон. Не сильно. Просто чтобы глаз не видел его лица. Но он всё равно чувствовал взгляд. Даже сквозь кожу, сквозь кости, сквозь годы.

— Отец исчез. Банда разбрелась. Ты решил, что Милва — это трофей. Что церковь её «спасёт». А я... я тогда был слишком мал, чтобы понять. Слишком мал, чтобы вырвать тебе язык и второй глаз прямо там, в переулке.

Он встал. Медленно. Как будто каждый сустав помнил ту ночь.

— Но я вырос, Руби.
И я помню.

Ветер влетел в щели дома, зашуршал обрывками старых занавесок. Где-то вдалеке завывала собака — или не собака.

Амбер спрятал медальон обратно под рубашку. Прямо на сердце. Пусть смотрит. Пусть видит каждый его шаг. Каждый обман. Каждую каплю крови, которую он прольёт дальше.

Потому что теперь это не только его история.

Глава 2. Ошибка, стоящая жизни.

Чтобы попасть за высокие белые стены храма, Амберу пришлось отдать половину золота Торна. Жадные «святые отцы» не задавали вопросов — золото открывало двери даже в те залы, куда не пускали простых прихожан.

Внутри пахло ладаном и чем-то дурманящим, от чего мысли путались, а ноги становились ватными. Милва сидела в саду, среди идеально подстриженных кустов белых роз. На ней была серая ряса. Она смотрела на фонтан, и её взгляд был таким же неподвижным, как вода в стоячем пруду.

— Мама? — голос Амбера дрогнул. Он опустился перед ней на колени, пытаясь поймать её взгляд.

Она медленно повернула голову. На её лице не было ни морщинки тревоги — только блаженная, пустая улыбка.

— Дитя, ты пришёл помолиться? — её голос был мелодичным, но в нём не осталось ни капли той женщины, что пекла хлеб в их доме.

— Это я, Амбер. Твой сын. — Он схватил её за руки. Они были холодными. — Я пришёл забрать тебя. Мы уйдём из Нохбстона. Ты не помнишь меня? Может быть, помнишь отца? Торнена? Он всегда точил свой меч, сидя за кухонным столом...

Милва слегка нахмурилась, словно пыталась вспомнить странное слово из забытого языка.

— Отец? У нас один Отец — Небесный. А мечи... мечи — это боль. Здесь нет боли, дитя. Только свет.

Она не узнала имени мужа. Она не узнала собственного сына. Она была живой оболочкой, из которой наркотический «свет» вытравил всё, что делало её человеком.

Внутри Амбера что-то оборвалось. Гнев и жалость смешались в удушливый ком. Он медленно потянулся к кинжалу на поясе. Один удар — и она будет свободна от этого вечного, искусственного рая. Это было бы не убийство, а милосердие.

Кинжал замер у её груди. Милва продолжала улыбаться, глядя сквозь него. Амбер смотрел на её шею, на пульсирующую жилку... и его рука задрожала. Он, обманувший королей трущоб, не смог убить женщину, которая когда-то пела ему колыбельные.

— Прости... — прошептал он, убирая клинок.

Вдали раздался далёкий раскат грома, на безоблачном небе, словно небеса отметили для себя его поступок.

Но его уход не был тихим. Служители храма, заметившие «лишние движения» гостя, не церемонились. Его избивали методично, профессионально, стараясь не пачкать белые полы.

Кулаки, ноги, деревянные посохи обрушивались на него снова и снова. Когда его выбросили за ворота, в сточную канаву, он был лишь куском изломанного мяса.

Амбер полз. Пальцы скребли по булыжникам, а каждая попытка вдоха отзывалась хрустом сломанных рёбер. Нохбстон смеялся над ним ливнем и воем ветра.

К утру он дополз до порога старого дома. Сил хватило только на то, чтобы толкнуть дверь и упасть на гнилые доски. Медальон под рубашкой обжигал кожу. Глаз Руби внутри стекла, казалось, торжествовал, глядя на то, как «чёрный принц» захлёбывается кровью на руинах своего детства. Сознание покинуло его, когда по лестнице послышались шаркающие шаги.

Очнувшись, Амбер ощутил под спиной холодный стол. В нос ударила вонь десятидневного запоя. Открыв глаза, он инстинктивно рванулся вверх и с размаху ударил лбом в переносицу человека, склонившегося над ним. С вскриком тот отшатнулся, зажимая лицо руками.

— Что ты творишь, демон окаянный! — прогундосил он сквозь пальцы.

— Лучше ответь, что ты собирался сделать с моим телом? — огрызнулся Амбер.

— Лечил тебя... — небритый мужчина сплюнул кровь. Сквозь тусклый свет масляной лампы на его грязном теле проглядывала ткань сутаны. Бывший жрец храма, а ныне тёмный лекарь. Такой человек мог вытащить из могилы, но цена за подобные чудеса всегда была неподъёмной.

— Сколько? — спросил Амбер, пробуя пошевелить руками. Кости больше не ныли.

— Пять лет жизни, — ответил жрец. — А может семь. Тебя сильно потрепали, парень.

Амбер кивнул, вставая на ноги. Он бросил на стол горсть серебряных монет.

— Вот, возьми.

— Вот за это спасибо, — лекарь ослабил жёлтыми зубами. — Но лучше не приползай подыхать на мой порог в следующий раз. Я потом плохо сплю.

По дороге к дому Амбер прокручивал в голове план. Раз жрецы пустили в ход кулаки, значит, нужно стать тем, кого они побоятся коснуться даже взглядом. Высокий дворянин, аристократ крови — идеальная маска. Забрав остатки золота Торна, он двинулся в путь, к деревушке Месвия.

Там, среди запахов парного молока и свежескошенной травы, жил мастер Харальд. Кузнец, словно вылепленный из тёмного воска: огромный, неразговорчивый, вечно ворчащий старик. Но руки его помнили, как ковать клинки, достойные имперских лордов.

Понадобилось время, чтобы переспорить упряма, но в итоге Харальд, в сердцах грохнув молотом по стене, пророкотал:

— Через три дня приходи. Не раньше.

В это время в паре лиг к югу, в загнивающем посёлке Корсьяс, приближалась буря.

Десять лет здесь правили сёстры-ведьмы, сбежавшие от инквизиции Целестины. Они жили как богини, промыв мозги всему поселению. Покорные жители с пустыми лицами исполняли любую их прихоть.

Старшая, Лия, небрежно вытянула ногу в сторону десятилетнего мальчишки:
— Оуи, иди сюда. Разомни мне ступни.

Ребенок покорно протянул руки, но вдруг его пальцы замерли. В следующий миг раздался хруст ломаемой кости. Лия взвизгнула, ударив мальчишку свободной ногой в лицо, но тот даже не качнулся — ведьма ощутила, будто с размаху пнула каменный дорожный столб.

Оуи поднял голову. В глазах полыхал белый, нечеловеческий огонь. Волосы на глазах теряли цвет, превращаясь в болезненную седину.

— Ересь, — произнёс он бархатным, глубоким басом. — Имя мне — Судия Небес, Всегубитель.

Ведьмы бросились бежать, почуяв нутром смертный холод, но из тела ребёнка вырвалась волна силы такой плотности, что дома и деревья полегли, словно сухая трава. Плоть людей вокруг начала покрываться камнем, из трещин которого сочилась густая алая кровь. Верховный ангел Сангвиний прибыл в этот мир.

Амбер вернулся к кузнице в сумерках. Он ожидал ворчания Харальда, но нашёл только смерть.

Мастер лежал у наковальни с разорванной грудью. Рядом, в тени горна, застыл силуэт ребёнка. Его волосы сияли неестественной белизной, контрастируя с залитым кровью фартуком кузнеца.

Амбер мгновенно понял: если этот «мальчик» уложил такого гиганта, как Харальд, вступать в бой — самоубийство. Его взгляд метнулся к столу. Там лежал длинный свёрток в грубой мешковине.

Мой заказ!

Он схватил его и вылетел в окно, нырнув в лабиринт сельских пристроек. За спиной раздались шаги. Обернувшись, Амбер едва не вскрикнул: его преследовал труп Харальда — марионетка с мёртвыми глазами, ведомая чужой волей.

Тяжёлый свёрток цеплялся за ветки, мешая бежать. Амбер на ходу застегнул пряжку ремня с ножнами на поясе и, перемахнув через стену заброшенного баронского особняка, скрылся в тени. Мертвец потерял след.

Уже в безопасности, под сводами старого склада, Амбер сорвал мешковину. Сердце упало в пятки.

Вместо сверкающей реплики фамильного меча с позолотой в руках оказался потёртый, тёмный кусок металла. Ножны — простая кожа без украшений.

— Дьявол... — прошипел он, пытаясь расстегнуть пояс, чтобы избавиться от этого мусора. — Харальд обманул меня?

Но пояс не поддавался. Кожа казалась мягкой, но стоило потянуть за пряжку, как она словно срасталась с его телом. В ярости Амбер выхватил меч, намереваясь швырнуть его в канаву, но едва металл покинул чехол, рука сама собой дёрнулась.

Вжик!

Лезвие со свистом вернулось в ножны. Он попробовал снова — тот же результат. Оружие было приковано к нему невидимой цепью. Лезвие оказалось тупым, покрытым пятнами старой, вьевшейся в сталь крови. Не меч, а грубая заготовка.

— Ты издеваешься надо мной?! — Амбер посмотрел на медальон.

Глаз Руби внутри стекла вращался в диком припадке паники, словно видел нечто, стоящее прямо за спиной хозяина. Выругавшись в сердцах от глупости всей ситуации, демон-полукровка отправился искать укрытие.

Примерно за пару часов до того, как Амбер переступил порог кузницы, его опередил ребёнок с волосами, выбеленными яростным морским ветром.

— Харальд... — низкий голос пророкотал не в воздухе, а под самой черепной коробкой кузнеца.

Могучий старик отложил массивный молот. Его широкие плечи, казавшиеся незыблемыми, вдруг поникли. Пальцы, привыкшие укрощать раскалённую сталь, нервно дрогнули.

— Явился... — выдохнул мужчина, не оборачиваясь. — Я сделал, что ты просил. Вон он, на столе.

Харальд старался не смотреть в лицо гостю. Он знал: стоит лишь мельком поймать взгляд, наполненный неземным, выжигающим светом, как вся жизнь — долгая, горькая, полная ошибок — прокрутится назад в одно мгновение.

— Об одном прошу: не убивай, — голос кузнеца сорвался. — Тебе не коснуться меча, ты сам знаешь правила этого мира. Я могу быть тем, кто отнесёт его туда, куда укажешь...

— Я — нет. Но он сможет, — тихий, бесстрастный голос сорвался с губ ребёнка. — Я уже ощущаю приближение этого создания, рождённого из греховного союза. А меч — это больше не твоя ноша, кузнец.

Мальчик сделал шаг вперёд, и пространство вокруг него словно заискрилось от статического напряжения.

— Ты завершил свой путь. Ты выстрадал его до капли, и твоё наказание окончено. Возвращайся к братьям, падший.

Взмах тонкой детской руки был почти неуловим. В следующую секунду ещё бьющийся ком сердечной мышцы оказался зажат в бледных пальцах ангела. С последним толчком вырванного сердца жизнь покинула тело великана Харальда.

Сангвиний замер, глядя сквозь века и стены. Он слышал, как снаружи замерли шаги Амбера, как тот, поддавшись инстинкту, схватил свёрток и бросился прочь. Ангел не преследовал беглеца — в этом не было нужды. Тело ребёнка, ставшее временным сосудом для небесной мощи, было истощено. Сверхмассивная сила превратила кости мальчика в хрупкое стекло, а мышцы — в прах.

Но Сангвиний не мог оставить Ключ без присмотра. Коснувшись мертвеца у своих ног, он вдохнул в него искру чужой, кукольной воли. Харальд поднялся, став вечным преследователем для Носителя.

— Судьба замкнулась... — прошептал ангел.

Его оболочка начала осыпаться, словно старая восковая кукла, оставляя после себя лишь тишину.

Его пальцы на мгновение замерли над пеплом, будто ожидая, что из него поднимется что-то невидимое и невыносимо тяжёлое. Но поднимался лишь ветер. Он опустил руку, и в этом движении не было победы — лишь привычка существа, которое слишком часто хоронит то, что должно было жить.

Глава 3. Ангельская искра.

Амбер сидел в вязкой темноте склада, глядя на свои руки. Они всё ещё дрожали — не от сырости, а от осознания: он только что украл вещь у существа, которое обрывает человеческие жизни, не моргнув и глазом.

— Пять лет... — прошептал он, чувствуя странную, холодную пустоту в груди, будто часть его будущего действительно испарилась, выжженная магией тёмного лекаря.

Сон пришёл тяжёлый, как удар молота. А когда утром Амбер открыл глаза, он обнаружил себя старше, чем был, когда ложился. Волосы, отросшие за одну ночь, спутанными прядями разметались по гнилым доскам пола. Лицо осунулось, в уголках глаз залегли новые тени. Такова была плата за то, чтобы кости срослись, а раны затянулись.

Он снова потянул за рукоять меча. Металл нехотя поддался, обнажая серое, тупое лезвие, покрытое бурными пятнами. В тусклом утреннем свете показалось, что эти пятна пульсируют — мерно, тяжело, в унисон с его собственным сердцем.

Вжик!

Едва Амбер ослабил хватку, оружие само прыгнуло обратно в ножны, словно притянутое невидимым магнитом.

— Значит, ты не хочешь уходить, — Амбер горько усмехнулся, пробуя на вкус свой новый, чуть более хриплый голос. — Прекрасно. На поясе — бесполезный кусок ржавчины, по пятам идёт ополоумевший мертвец, а мать даже не помнит моего имени.

Он поднялся, морщась от непривычной тяжести в суставах. Пояс теперь не просто облегал бедра — он казался частью плоти, сжимал кости с собственнической силой артефакта.

Амбер посмотрел в сторону порта, где над Нохбстоном уже закручивались иссиня-чёрные тучи.

— Кэйтилин хотела, чтобы я разделил с ней город? — Он прищурился, глядя на далёкие шпили. — Боюсь, скоро от этого города останется только пепел.

Он спрятал загрубевшие руки в рукава потёртого кафтана. План с «высоким дворянином» всё ещё был в силе, но теперь ставки выросли. Ему нужно было не просто подделать документы. Ему нужно было превратить эту ржавую железяку в реликвию, которую не стыдно показать во дворце. Или найти того, кто научит его укрощать это лезвие прежде, чем оно само решит, чью кровь ему выпить первой.

Первым делом Амбер направился к лавке тёмного лекаря. Но на стук в тяжёлую дверь никто не ответил. Лекарь либо ушёл за новыми ингредиентами для своих сомнительных зелий, либо был вусмерть пьян — в обоих случаях надеяться на связный разговор было глупо.

Стараясь держаться теней, Амбер двинулся вдоль узкой улочки к покосившейся башенке у южной стены. Он то и дело оглядывался, проверяя, не мелькнёт ли в толпе знакомый силуэт

мертвого кузнеца. Убедившись, что хвоста нет, он скользнул в неприметную дверь. На верхнем этаже, среди гор антиквариата и пыльных свитков, жил коллекционер редких вещей.

— Неожиданные гости, — раздался голос высокого седого мужчины, едва Амбер ступил на скрипучие ступени. — Хотите что-то предложить? Или прибыли пополнить свою коллекцию?

— Взгляни на это. Есть мысли? — вместо приветствия бросил Амбер.

Он с усилием вытянул меч, напряжнив мышцы, чтобы не дать лезвию прыгнуть обратно в ножны. Коллекционер вздрогнул, его лицо побледнело.

— Я не приемлю насилия! — поспешно воскликнул он, отступая к стеллажу. — Если вы недовольны прошлым товаром, я всё заменю. Не стоит размахивать оружием! Клиент всегда прав, но я не постесняюсь пустить в ход боевые заклинания!

— Угомонись, — Амбер криво усмехнулся, удерживая рукоять. — Им разве что мух отгонять. Приглядишься: на нём даже лезвия нет.

Взгляд коллекционера мгновенно изменился — страх сменился профессиональным азартом. Через пару минут он уже почти касался носом старого металла, едва дыша над каждой трещинкой.

— Поразительно... Удивительно... — бормотал он под нос. — Господин... я не стану спрашивать, где вы это взяли, и прошу — не спрашивайте меня, как это было выковано. На этом предмете работают одновременно несколько сложнееших цепочек заклятий. Они переплетены так плотно, что их невозможно расслоить. Тут не обойтись без продвинутой магии разрушения.

Он поднял глаза на Амбера, в которых горел фанатичный блеск:

— Я предложу вам пять слитков серебра. Или, если подождёте, могу расплатиться золотом.

— Тогда доплачивай и за моё тело, — Амбер с лязгом отпустил меч, и тот привычно впечатался в ножны. — Этот клинок теперь идёт в комплекте со мной. А торговля людьми у нас всё ещё карается казнью.

Он в очередной раз рванул пряжку пояса, но кожа лишь плотнее прижалась к кафтану, словно став его кожей. Бесполезно.

— В любом случае, спасибо за оценку.

Оставив на столе пару монет за консультацию, Амбер вышел в сырой воздух города. Путь предстоял неблизкий — к старым выработанным рудникам на западе. Туда, где среди ржавчины и забвения осели те, кого когда-то называли отрядом его отца. Демоны, нашедшие приют в человеческой плоти.

Спустя неделю он добрался до западной части материка. Деревьев становилось всё меньше. Пожелтевшая, хилая трава почти исчезла, сменяясь серыми проплешинами. Западные рудники были близко.

Сам воздух здесь был пропитан горечью.

Богатое месторождение магической руды почти исчерпали, но земля вокруг осталась отравленной. Животные, давно обратившиеся в чудовищ, выходили на охоту под покровом ночи. Ядовитые испарения клубились над рыхлой серой почвой, поднимаясь густым слоем до колен.

Прикрыв рот рукой в перчатке, Амбер всматривался вдаль, различая смутные силуэты.

Вот и поселение.

Люди работали — кто-то нёс доски, кто-то возился с треснувшей вагонеткой. Но при ближайшем взгляде они лишь напоминали людей. Угловатые черты, выступающие лицевые кости, натянутая кожа, длинные пальцы, суставы, выгибающиеся под неестественными углами. Так изменялся всякий, кто пустил в сердце демона.

Обитатели шахтёрского посёлка уже почуяли чужака. Одержимые оборачивались вслед Амберу, переговариваясь. Кто-то его узнал.

Торнен. Его отец. Когда-то служил вместе с ними.

— Посмотрите... К нам явился отпрыск важной крови.

Голос был насмешливым.

С крыльца спустился высокий силуэт.

— Хесла... — Амбер мысленно застонал. Лучше бы встретить свору голодных волков.

Хесла подошёл вплотную. Он возвышался на две головы, смотрел сверху вниз, медленно облизнул губы длинным языком и улыбнулся.

— Сюда не приходят просто так. В самом низу есть дно, говорят люди. А ниже дна — наш посёлок. — Он хохотнул собственной шутке. — Ну? С чем припёрся?

— Нужна магия разрушения, — коротко ответил Амбер, указывая на меч. — Сними его с меня.

— О... разрушение. Этого у нас навалом. А цена... — Хесла склонил голову. — Пусти меня в своё тело. Обещаю, я не сломаю тебя... полностью.

Его глаза вспыхнули алчностью. Чёрные зрачки заполнили всю радужку. Он смотрел на Амбера как на священный сосуд.

Амбер невольно вздрогнул. Впустить в себя тьму было страшнее смерти.

— Да не трясись ты... Всего на мгновение. Я займу тело и выйду до заката. Напитаю твой меч такой скверной, что он треснет, как бутылочное стекло.

Амбер не успел ответить.

Хесла резко обернулся и зашипел.

Крик агрессии прокатился по руднику.

Вслед за остальными Амбер увидел одинокий силуэт.

Мёртвый Харальд.

— Будь ты проклят... Это ангельское вмешательство! Разорвать! Уничтожить! — приказал Хесла.

В его голосе звучала ярость. И страх.

Одержимые ринулись вперёд.

Харальд водрузил кузнечный молот на плечо и шагнул навстречу.

Резня была короткой.

Белое пламя внутри мертвеца двигало его руками. Черепа ломались, плоть рвалась. Из раскрытых ртов валил чёрный дым — демоны покидали тела. Это было не убийство. Это было изгнание.

Амбер так не мог.

Пятясь, он упёрся спиной в стену дома.

Харальд повернул голову. В глазах пылал холодный огонь.

Прыжок.

Амбер рванул меч из ножен. Сталь сама скользнула в руку — без привычного сопротивления.

Но мертвец был быстрее.

Рука пробила рёбра.

Боль разорвала грудь. Амбер закашлялся, выплёвывая кровь.

И всё же он успел.

Уперев рукоять в бедро, он выставил меч вперёд. Тупое лезвие без острия вошло в живот мертвеца.

Золотая искра вспыхнула — и втянулась внутрь.

Харальд осел. Рассыпался прахом.

Амбер сполз по стене, прижимая ладонь к груди.

Крови не было.

Рубашка разорвана. Вместо раны — розовый шрам.

И тогда он услышал.

Вой.

Тихий. Голодный.

Меч без лезвия выл, попробовав ангельскую искру. Потратив её на исцеление, он снова был пуст.

Голоден.

Озноб прошёл по спине.

— Что же я ношу на поясе...

Он достал подвеску с глазом Руби. Камень хищно блеснул.

Булькающий кашель отвлёк его.

Обгоревший Хесла ещё дышал.

— Комай в другую сторону, малец... Этот труп — от высших сфер. Ищи ангела, что прячется среди людей...

Демон покинул тело.

Амбер стоял в тишине.

Мысли метались.

Но план уже рождался.

Если искать ангела — нужен нос, что его учует.

Ярмарочная площадь тонула в запахе жареного мяса и дешёвого эля.

В центре, на подмостках из ящиков, бес в облике клоуна творил невозможное.

Густой, потрескавшийся грим и неестественно широкая алая улыбка делали его похожим на оживший кошмар.

— Раз! — кричал Сэм, подбрасывая куриную ножку.

Она исчезала в пасти.

— Два! — ещё одна.

— Три!

Толпа ахнула.

Клоун скорчился. Его грудь вздулась. Из горла вырвался кудахчущий хрип.

Хлюп.

Он раскрыл рот — и оттуда, хлопая крыльями, вылетела живая курица. Она приземлилась на край сцены и невозмутимо начала чистить перья.

Толпа взревела. В банку посыпались монеты.

Но Сэм не улыбался.

Он почуял запах.

Тяжёлый, металлический. Сера. Старая сталь.

Запах Торнена.

Но Торнен исчез пятнадцать лет назад.

Значит — сын.

Когда Амбер пробился к гримёрке на колёсах, дверь уже была заперта. Из щелей валил розовый дым.

— Сэм, открывай!

— Уходи, маленький Деспот! — писк изнутри. — Я на пенсии! Я артист! Я курицу оживил! Иди ешь курицу!

— За мной охотятся. Лагерь твоих сородичей вырезан. Если не выйдешь — он найдёт тебя по запаху.

Внутри что-то разбилось.

— Хоть подпали всё! — взвизгнул Сэм. — Под огнём я сгорю быстро! А если это тот, о ком я думаю, и он увидит на тебе ЭТО... он вывернет нас обоих наизнанку и заставит так танцевать вечность!

Пауза.

— Уходи. Тебя здесь нет. Я сплю.

Амбер не стал ждать ответа. Он просто вышиб щеколду плечом. Его новое, «повзрослевшее» тело оказалось сильнее, чем он привык, и дверь кибитки жалобно треснула, впуская его внутрь.

Розовый дым ударил в лёгкие — приторно-сладкий, пахнувший жжёным сахаром и старым страхом.

Сэм забился в угол, прижимая к груди общипанную курицу. Его грим потёк, оставляя на белилах грязные борозды.

— Я же сказал — я сплю! — взвизгнул бес. — Уходи! От тебя разит ангельским пеплом! Ты проклят, Амбер! Ты ходячий некролог грядущего!

Амбер молча подошёл к столу, заваленному банками с гримом и фальшивыми носами. Положил руку на эфес меча.

Тот отозвался едва слышным, вибрирующим стоном.

Сэм икнул и разомкнул руки.

— Ты прав, Сэм. Я проклят, — голос Амбера звучал пугающе спокойно. — Но этот меч только что сожрал Харальда. И он всё ещё голоден.

Он наклонился к самому лицу клоуна, почти коснувшись лбом мягкого пищащего носа.

— Ты ведь хочешь дожить до завтра? Хочешь и дальше скакать перед пьяными мужиками и плевать птицами? Тогда вставай. Нам нужен ангел.

— Ты спятил... — прошептал Сэм. Его жёлтый зрачок сжался до размера игольного ушка. — Идти к... таким... — это как прыгнуть в плавильную печь. Оно выжжет из меня всё, что делает меня... мной.

— Они не тронут тебя, если ты будешь со мной. Я — дворянин. Ты — мой слуга. Мы идём в Серебряный квартал. И ты будешь моим носом. Ты учуешь беду раньше, чем её патрули учуют нас.

Амбер бросил на стол кошель с остатками золота Торнена.

— Доставай свои лучшие тряпки, Сэм. И найди что-нибудь, что перебьёт запах пепла. Мы выходим на рассвете.

Амбер сидел на ступеньке кибитки и методично оттирал запёкшуюся кровь Харальда с ножен. Пальцы всё ещё подрагивали, но взгляд стал другим — тяжёлым, сосредоточенным.

— Мы не пойдём туда как просители, Сэм, — бросил он через плечо.

Позади что-то с грохотом упало.

— А как мы пойдём?! — Сэм высунул голову наружу. — Как смертники на эшафот? С оркестром и барабанами на шее?

Грим был смыт, и под ним проступила бледная, сморщенная кожа демона.

— Как законные жители этого города, — спокойно ответил Амбер. — Я — наследный лорд, вернувшийся из изгнания. А ты... моя свита.

Он поднялся.

Шрам на груди больше не болел, но меч на поясе едва заметно вибрировал, словно сытый кот, который только что съел мышь.

— У тебя наверняка завалился какой-нибудь гербовый плащ. И побольше пудры. Потопись — выходим через час.

Переодевшись, Амбер разглядывал себя в мутном зеркале.

Наряд был вычурный: широкий воротник, пышные рукава, тяжёлая ткань. Но он выглядел убедительно.

Он повернулся боком, проверяя посадку.

Волосы были вымазаны самодельной краской — каштановый цвет исчез, сменившись густой чернотой. Облик был завершён, поддельные бумаги подготовлены.

Рядом переминался Сэм. Теперь на нём была простая тканая рубашка и подвёрнутые штаны на подтяжках.

— Ладно... — пробурчал бес. — Давайте руку, ваше благородие.

Он сплюнул на носок ботинка и протянул узловатую ладонь.

Когда Амбер коснулся её, воздух затрещал искрами магии.

Мир сложился.

Их вывернуло из пространства.

Через мгновение их выбросило за сотни лиг — в направлении города.

Амбер пошатнулся, борясь с тошнотой.

— Хотел спросить... о бесстрашный носитель меча... — начал Сэм, вытирая нос. — Магия — привилегия высшего дворянства. А в тебе её... с куриный хвост.

— Зато в тебе её хоть отбавляй, — сухо ответил Амбер. — Вот и будешь работать за двоих.

— Эй! — обиделся Сэм. — Я бес, а не бездонный колодец! На чудеса не рассчитывай. Лучше чуди сам!

Он сплюнул и потер виски.

— И вообще, второй раз я так прыгну только через пару дней. Да и то — если снова окажемся там, где я уже бывал. Разомнём ноги...

Глава 4. Святой город.

Они достигли городских ворот Касфора только к вечеру, едва успев до закрытия.

У входа стражник шагнул вперёд, преграждая путь, и что-то пробормотал о проверке. Двое путников — высокий мужчина в дворянском платье и коротышка-слуга — показались ему достойной добычей.

— Вижу, вы не местные. Прошу предоставить разрешение на вход.

В его глазах плескалась неприкрытая алчность.

Амбер картинно фыркнул и медленно достал из поясной сумки пару свёрнутых бумаг с печатью бывшего владельца Нохбстона.

Стражник взял бумаги и прищурился.

— Ага... ага... — бормотал он, водя пальцами по печати, словно проверяя её на ощупь.

Печать была настоящей.

Он поднял взгляд.

— Но Нохбстон сейчас во власти семьи Тардингер. Боюсь, вам придётся задержаться. Глава новой торговой компании как раз прибыла этим утром — вот и выясним у неё, откуда ты нарисовался.

Амбер скрипнул зубами от досады.

Мысленно попросив прощения у давней подельницы Кэйтилин, он поспешно заговорил:

— Я сын почившего с миром купца Сандера. Одного из «королей» Нохбстона... впрочем, теперь уже бывших. Мы с моим слугой бежали из города, когда эта страшная женщина и её полуночный демон захватили там власть. Прошу... если вы человек чести...

Сэм, спрятав лицо в сгиб локтя, давился смехом, пытаясь изобразить рыдания.

Получалось у него, надо признать, весьма убедительно.

Стражник прищурился, переводя взгляд с «убитого горем» слуги на холодное, застывшее лицо Амбера. На секунду в воздухе повисла опасная тишина.

— Купеческий сын, значит? — гвардеец сплюнул под ноги. — Слышали мы про Нохбстон. Говорят, там теперь по улицам тени гуляют, а девка Тардингеров пьёт кровь из золотых кубков.

Он протянул руку, недвусмысленно потирая большой палец об указательный.

— Но, видишь ли, господин... Сандер-младший. Касфор теперь — город чистоты. Мы не пускаем сюда всякий сброд, который тащит за собой грязь и демонов из портовых канав. Налог на «чистоту души» — пять серебряных. С каждого.

Амбер почувствовал, как меч на поясе снова мелко завибрировал. Ему показалось, что артефакт смеётся над жадностью этого человека.

Пять серебряных за вход в клетку к зверю?

— Сэм, — сухо бросил Амбер. — Дай офицеру монеты. И перестань вытирать нос моим плащом.

Сэм, всхлипнув в последний раз, залез в складки своей рубахи и выудил монеты. Передал их стражнику так, словно отдавал собственные зубы.

— Проходите, — лениво качнул алебардой гвардеец, открывая проход. — И держитесь подальше от Серебряного квартала. Сегодня там у Полковника «день искупления». Если попадёте под горячую руку рыцарям — никакие бумаги не помогут.

Когда они миновали арку ворот, Амбер не просто смотрел под ноги — он сканировал тени.

В паре десятков шагов, у входа в узкий проулок, двое мужчин в грязных плащах быстро обменивались какими-то свертками. Но стоило патрулю белоголовых рыцарей выйти из-за угла в конце улицы, как контрабандисты замерли. Даже в сумерках белые волосы рыцарей вспыхнули, как два сигнальных костра.

Один из воров коротко свистнул, и оба нырнули в подворотню за секунду до того, как патруль успел их заметить.

Амбер проводил их взглядом и едва заметно усмехнулся. — Слишком ярко, — прошептал он сам себе.

Амбер, уже уходя вглубь города, зафиксировал этот момент в памяти. В его голове, привыкшей оценивать риски и выгоды, привычно щёлкнуло.

Рыцарям не нужен свет, им нужна невидимость. А капитану — его серебро. Похоже, у этой верхушки Касфора есть одна общая проблема, которую они стесняются признать...

Касфор разительно отличался от гнилого Нохбстона.

Здесь не было мусора. Не было криков зазывал. Улицы, вымощенные светлым камнем, казались вымытыми с мылом. Каждые сто метров на стенах висели штандарты с изображением серебряного крыла и меча, опущенного остриём вниз.

Люди ходили быстро, опустив глаза.

Повсюду пахло озоном и ладаном — тяжёлым, удушливым ароматом «святости».

Как только дворянин со слугой скрылись из виду, командир стражников спрятал монеты в мешочек на поясе и поднял голову к зубчатой стене.

— Кутц! Эй, парень! Сколько детей было у твоего старика?

Но Кутц не ответил.

Худощавый парень лишь подошёл к краю стены, вглядываясь в толпу. Его движения были плавными, а из-под шлема с надвинутым на глаза забралом выбились две бесцветные пряди волос.

— Эй... болезный! — начал злиться командир. — К тебе обращаюсь! Тут вроде как твой братец нарисовался...

— У отца было трое сыновей, — едва шевеля губами, ответил Кутц.

— Первый умер от болезни в детстве.

— Второго растерзала толпа при смене власти в Нохбстоне.

— Третий... умер, когда сердце переполнил свет.

Командир стиснул зубы, словно от головной боли. Он уже пожалел, что окликнул этого чудака.

— Ни одного брата с чёрными волосами и глазами медового цвета у меня не было, — закончил Кутц.

Командир лишь кивнул и ушёл в сторожку.

Сев за дубовый стол, он быстро написал письмо:

Господину «Дающему покой».

С величайшим уважением спешу сообщить: прибыл странный человек. Выдаёт себя за сына почившего купца Сандера.

Если он пустой — можете отправить его к остальным в лоно церкви святой Целестины.

Если же опасен и несёт угрозу нашему городу — пусть его след исчезнет в неизвестности. А куш поделим поровну.

Далее следовало подробное описание внешности «Сандера-младшего».

Помощник унёс письмо быстрым шагом, направившись к низкому зданию с изображением белого голубя над дверью.

А в это время.

— О-о-о... — Сэм прикрыл рот ладонью. Его глаза лихорадочно бегали. — Чувствуешь, Амбер? Воздух... он будто наэлектризован.

— Это тот, кого мы ищем? — тихо спросил Амбер.

— Он. И его псы. Вон, гляди.

Бес указал на патруль в конце улицы.

Это были те самые рыцари.

На них не было тяжёлых доспехов — лишь лёгкие кирасы поверх белых туник. Но их волосы... Даже издали было видно, что они абсолютно белые, как снег, хотя лица воинов были молоды.

Они двигались синхронно, словно управляемые единым разумом.

— «Бледные», — прошептал Сэм. — Сосуды, которые уже начали выгорать. Тут не один ангел... они гнездятся здесь, как морские птицы на скале. Идём. Если они почуют во мне хотя бы каплю серы — я стану дровами для их следующего костра «очищения».

Поплутав по улочкам, пара вскоре нашла укромное место для отдыха.

Им оказалась ветхая таверна «Серебряное копыто».

Рассохшиеся столы. Липкий пол. Хозяйка с покрасневшимся от вина лицом.

Амбер, натянув капюшон, лениво скрёб ложкой по миске с тушёной капустой.

И вдруг под рубашкой задрожал медальон.

Он сунул руку за пазуху и вытащил амулет с глазом Руби.

Глаз ходил ходуном, вращаясь в оправе и мерно вибрируя в ладони. Стоило повернуть руку чуть левее — дрожь усиливалась.

— Что стряслось? — спросил Сэм, доедая кусок серого варёного мяса. — Твой волшебный глаз словил лишай?

— Хуже, — коротко ответил Амбер. — Он почуял своё тело. Руби здесь.

Он резко поднялся.

— Уходим, Сэм.

Схватив слугу за воротник, дворянин вышел из таверны, так и не закончив оплаченную трапезу.

В невысоком здании тем временем скучал «Дающий покой».

Красивое, почти священное звание. На деле — ширма для наёмника церкви, который доставлял неугодных туда, где их голоса замолкали навсегда.

Руби лениво почёсывал щёку под глазной повязкой.

Вдруг он резко вскочил.

Зуд и боль пронзили пустую глазницу.

Он как раз дочитывал письмо от капитана северного поста. И теперь головоломка сложилась.

— Прибыл... щенок... — простонал он.

Фантомная боль обжигала лицо, словно он снова вернулся в тот день, когда Амбер — ещё сопливым подростком — вырвал ему глаз. Не сумев, впрочем, убить.

Собрав волю в кулак, мужчина отдал приказ:

— Пошлите пару ребят. Пусть проследят за этим человеком.

Его оставшийся глаз, налитый кровью, гневно сощурился.

Пальцы сжались до белых костяшек.

— Явился... на свою погибель, Амбер.

Выйдя из таверны, Амбер и Сэм вскоре почувствовали слезку за спиной. Но оторваться не удалось. Немного пропетляв по белым улочкам, они свернули в узкий проулок, чтобы наткнуться на пару людей с взведёнными арбалетами.

— Как твой прыжок в пространстве, Сэм?

— Как выжатая шкурка от лимона, — огрызнулся бес, отступая в тень и буквально сливаясь со стеной. А затем его тело начало сжиматься, превращаясь в небольшого, покрытого серой шерстью комочка. Крыса. Сэм вбежал по сапогам и спрятался под плащом на спине Амбера.

Амбер поднял обе руки, пытаясь казаться максимально безобидным.

— У вас так принято целиться в добропорядочных людей?

— Добропорядочный нашёлся... — ответил один из вооружённых парней. — Сейчас свяжем твои добропорядочные руки, и ты добропорядочно пойдёшь с нами. Иначе прольётся кровь, выбирай.

Амбер не стал проверять шансы. Обнажи он меч — сюда слетятся все ангелы, гнездящиеся в пределах города. Попытайся сбежать — пришлют ещё больше людей. Презрительно фыркнув, как и любой уважающий себя дворянин в подобной ситуации, Амбер позволил себя увезти.

В сырой камере, на старой соломе, он проинструктировал Сэма, кого ему искать. И сняв с шеи амулет с глазом Руби, положил его на пол.

— О... Оно моргает! И оно боится! — пропищал Сэм и проглотил амулет целиком. Крыса — фамилляр, протиснувшись в щель, семенила лапками прочь.

Тем же вечером

Капитан стражи довольно потирал руки, предвкушая, как поделит золото Руби. Но в коридоре раздался бешеный стук каблуков и голос, от которого у Амбера похолодело внутри больше, чем от меча Сангвиния.

— Где он?! Где этот подонок?! — Дверь камеры распахнулась так, что едва не слетела с петель.

Влетевшая Кэйтилин выглядела как карающая богиня в шелках. Она не дала Амберу вставить ни слова.

Хлысь!

Звон от пощёчины казался настолько громким, что решётки вибрировали. Амбер отлетел к стене, хватаясь за горящую щеку.

— Алан! Ты, кусок крысиного помета! — Кэйтилин ткнула в него пальцем, и в её глазах Амбер увидел едва заметную, искристую насмешку. — Пять месяцев! Пять месяцев я ищу тебя по всем притонам от Нохбстона до Касфора! Бросил меня с тремя дочками, младшей ещё и года нет!

Капитан стражи опешил.

— Госпожа... Тардингер? Вы уверены? Нам сообщили, что это опасный самозванец, сын купца Сандера...

— Какой Сандер?! — Кэйтилин обернулась к капитану, и тот невольно отступил. — Это мой муж, Алан Тардингер! Он украл фамильные драгоценности и сбежал, потому что испугался ответственности за семью! Посмотрите на него — разве этот заросший бродяга похож на «опасного человека»? Это трус и бабник!

Амбер стоял, раскрыв рот. Он пытался что-то выдать, но Кэйтилин снова замахнулась.

— Молчи! Дома поговорим!

— Капитан, я забираю этого... «лорда» под свою ответственность. У города к нему есть претензии?

Капитан взглянул на письмо Руби, потом на разъярённую главу торговой компании. Деньги Руби — это хорошо, но проблемы с Тардингерами — это верная петля.

— Э-э... раз это семейное дело, госпожа... Прошу, забирайте.

Через мгновение.

Карета с гербом торговой компании Тардингеров катилась по безупречно чистым улицам Касфора. Внутри пахло дорогой кожей и тонкими духами Кэйтилин. Амбер сидел напротив неё, потирая пылающую щеку.

— Ты могла бы ударить и послабее, — прохрипел он, поправляя сбитый воротник. — И три дочери? Seriously, Кейт?

— Я должна была звучать убедительно, — Кэйтилин холодно поправила перчатку. — Стража здесь не верит в любовь, Амбер. Они верят только в грехи. А брошенная жена с выводком детей — это такой жирный грех, что капитан чуть не прослезился. А теперь объясни мне...

Она прищурилась, её голос стал тихим и опасным.

— ...Что за говорящая крыса ворвалась в мою спальню через камин, назвалась твоим «адвокатом» и пообещала мне долю в «самом великом деле веков», если я вытащу твой зад из камеры? Она еще сказала, что ты теперь выглядишь как старый башмак, и не соврала.

— Эта крыса — единственный нос, который может учуять ангела в этой бочке с ладаном, — Амбер вздохнул. — Сэм! Вылезай, я знаю, что ты где-то здесь.

Кэйтилин вдруг вздрогнула. Ткань её глубокого декольте зашевелилась. Из кружев высулся розовый нос, а следом — пара черных глаз-бусинок. Маленькая серая крыса ловко спрыгнула на сиденье рядом с женщиной и в облачке розового дыма начала стремительно расти.

Через секунду на бархатных подушках уже сидел Сэм в своей человекоподобной ипостаси — щуплый, бледный, с остатками грима вокруг ушей. Он поправил ворот рубашки и отвесил Кэйтилин самый галантный поклон, на который был способен сидя.

— Госпожа... — Сэм прижал руку к сердцу, его голос вибрировал от притворного восторга. — Эти десять минут в тесных ваших объятиях были истинным раем для замёрзшего беса! Если бы я знал, что спасение этого неблагодарного лорда приведет меня в столь... уютную гавань, я бы сам сдал его страже еще неделю назад!

Амбер закашлялся, не зная, то ли смеяться, то ли придушить фамильяра.

— Сэм, заткнись, — выдохнул он. — Ты глаз проглотил. Сигнал пропал?

— Глаз? — Кэйтилин подняла бровь, переводя взгляд с одного на другого. — Чей глаз?

— Руби, — Сэм довольно похлопал себя по животу. — Лежит там, как теплая галька. Варит в желудочном соке всё его коварство. Пока он там — ваш одноглазый друг будет видеть только темноту и мои... кхм...красоты внутреннего мира!

Карета с гербом торговой компании Тардингеров продолжала путь по улицам Касфора. Мимо проносились мостовые, вымощенные белым камнем.

Амбер украдкой посматривал на фамильяра. Сэм высунулся в окно и водил носом, ловя запахи, словно охотничий пёс.

Карета миновала обширную площадь. Вдали возвышался купол церкви святой Целестины.

— Неа. Ничего ангельского тут не чувствую. Только гниль и человеческую жадность, — высморкавшись, произнёс Сэм. — След отчётливее ведёт к северному краю города.

— Пока не сбросим с хвоста людей Руби, путь туда заказан, — ответил Амбер.

Густые тени легли между его бровями.

— Сэм, слушай меня. Выплёвывай глаз. Повесим его тебе на шею.

Кейтилин вопросительно посмотрела на обоих спутников. Она уже собиралась что-то спросить, но слова так и не сорвались с губ.

Бес разинул рот так широко, что любой питон удавился бы от зависти, засунул руку по локоть и вытащил амулет с глазом Руби. Вытерев его о рукав, он повесил медальон себе на шею.

— Вы побледнели, милочка, — ласково произнёс Сэм. — Съели что-нибудь не то?

— Нет... — отмахнулась женщина. — Но после твоего шоу я ещё неделю есть не смогу.

— А теперь, — сказал Амбер, едва заметно улыбнувшись уголком рта, — давай устроим хозяину глаза небольшой аттракцион. Пусть усомнится в собственной реальности.

— О! Это я мигом.

С громким хлопком Сэм исчез в небольшом облачке серного газа. Через мгновение на сиденье уже сидела тощая крыса. Амулет на её шее покачивался, задевая ткань кафтана Амбера.

Крыса-фамильяр одним прыжком выскочила из кареты, перепрыгнула на низкое дерево у дороги и исчезла в тени переулка между торговыми лотками.

Кейтилин поправила ожерелье на шее.

— Что теперь? Заляжем на дно? У меня есть небольшой дом, который я снимаю. Там нет лишних глаз.

— Там, где нет лишних глаз, всегда находятся жадные уши, — спокойно ответил Амбер. — Не стоит главе торгового дома Тардингер зарабатывать пролежни на ягодицах. Готов спорить на что угодно: за тобой начнут следить.

Он кивнул в сторону рыночной площади.

— Пойдём на рынок. Потолкаемся среди людей, поторгуюсь за какой-нибудь хлам.

Он чуть склонил голову.

— Да и... Сэм ведь обещал тебе большой куш от нашего дела?

Рынок Касфора гудел, как улей.

Торговцы кричали, перекрывая друг друга.

- Яблоки! Красные как кровь мученика!
- Свежая рыба! Не нюхай — покупай!
- Амулеты от сглаза! Работают даже против тётки!

Кейтилин уверенно шла впереди, расталкивая людей плечом. Толпа расступалась — богатые ткани и холодный взгляд делали своё дело.

Сэм сидел на плече Амбера в виде крысы и шумно втягивал воздух.

— Чую чеснок... пот... страх... жареную свинину... и одного мелкого демона, — пробормотал он.

— Последнее — это ты, — сухо ответил Амбер.

Они остановились у старика, продающего мешки с золой.

— Зола? — лениво спросил Амбер.

— Печная, господин. Лучшее средство от блох, — ответил торговец, привычно спрятав выжженное клеймо рудника на предплечье под рукавом.

— Беру двадцать мешков.

Старик моргнул.

— Двадцать?

Кейтилин даже не повернула головы.

— И кору ясеня, — добавил Амбер.

— У меня есть... но зачем столько?

Амбер наклонился ближе и улыбнулся.

— Мы собираемся немного переодеть ангелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.